

А. А. КРИЛЬ — ОГАРЕВУ

Публикация Е. Л. Рудницкой и Я. З. Черняка

Автор публикуемых писем — Александр Александрович *Криль* (1843—1908) — один из участников русского революционного движения второй половины XIX века.

Биография его известна лишь в самых общих чертах. Свою политическую деятельность Криль начал еще студентом Московского университета. В 1866 г. он привлекался следственной комиссией, образованной в Москве после выстрела Каракова, к дознанию по делу одной из полулегальных студенческих организаций — «Общества взаимного вспомоществования» или, иначе, «Общества переводчиков и переводчиц» (был кассиром этого общества). В начале семидесятых годов жил в Швейцарии, где сблизился с Лавровым. По возвращении в Россию был, в 1872 г., арестован. С 1876 г. служил в управлении Уральской железной дороги в Екатеринбурге и в Перми. Принимал участие в «Красном кресте Народной воли», по делу которой был вторично арестован в 1881 г. Его приговорили к высылке в Западную Сибирь на пять лет, но этот приговор был отменен, и Криль был оставлен в Перми под гласным надзором. С 1892 по 1900 г. Криль служил в Москве, занимался литературной деятельностью, затем жил в Иркутске и входил в иркутскую группу партии эсеров.

Публикуемые письма относятся к начальному этапу политической деятельности Криля — к 1867—1868 гг.

Судя по содержанию писем, Криль в это время являлся участником революционного кружка, связанного с русскими эмигрантами и в особенности с Огаревым. Связь эта шла по двум основным линиям: группа, от имени которой выступал Криль, обязалась доставлять из России корреспонденцию для «Колокола» и доставлять «Колокол» в Россию; с другой стороны, Огарев обещал содействовать практической деятельности группы, обеспечив ей материальную поддержку со стороны лиц, связанных с русским революционным движением. Письмо, вернее — записка Криля, относящаяся к декабрю 1867 г., непосредственно связана с возобновлением «Колокола», который, как известно, перестал издаваться 1 июля 1867 г., а с 1 января 1868 г. начал выходить на французском языке с русскими прибавлениями. Два главных вопроса стояли в это время перед редакцией: как наладить получение корреспонденций из России и как транспортировать «Колокол» в Россию. В письме к Герцену от 1 января 1868 г. Огарев писал по поводу публикуемой записки: «...Но мне еще остается выписать тебе из письма (просьба немедленного ответа) следующее: „Корреспондентов имеется... * Имеется в виду приобрести еще большее количество... ** Интересно было бы знать (...)“» — далее процитирован текст публикуемого документа до слов «присылать вам статьи беллетристического содержания» включительно. Сделав указанную выписку, Огарев прибавил: «На это, пожалуйста, ответь поскорее. Я из этого не понимаю, нужна ли какая плата. Обо всем напиши аккуратно» («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 483—484). Тотчас по получении письма Огарева (4 января 1868 г.) Герцен отвечал согласием на предложе-

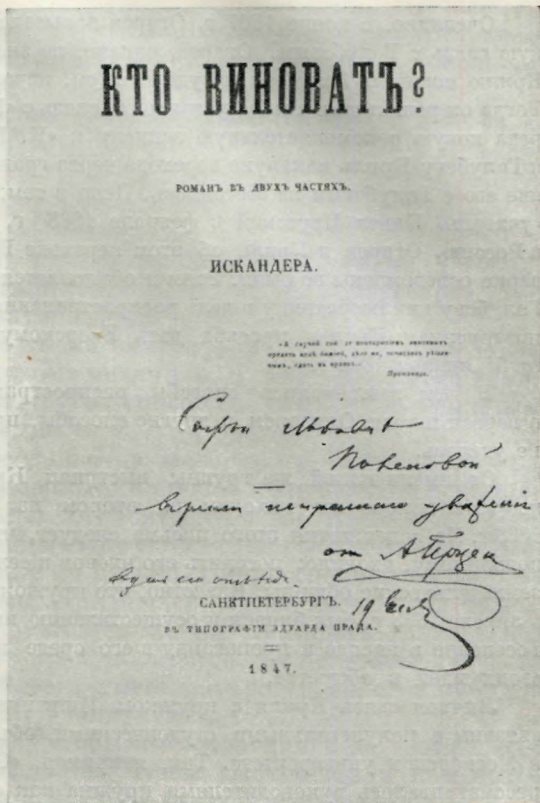
* Французская почтовая цензура нередко доставляла русским агентам данные, добытые при перлюстрации; поэтому Огарев из осторожности опустил окончание фразы: «трое, два в Петербурге, один в Ковно».

** По тем же причинам Огарев опустил слова: «в разных концах».

РОМАН ГЕРЦЕНА «КТО ВИНОВАТ?».
ЭКЗЕМПЛЯР С ДАРСТВЕННОЙ
НАДПИСЬЮ АВТОРА
С. Л. ПОЛЕНОВОЙ, 1847 г.:

«Софье Львовне Поленовой в знак
искреннего уважения от А. Герцена
в день его отъезда. 19 янв.»

Институт русской литературы
АН СССР, Ленинград

ние Криля. Герцен писал: «О корреспонденциях, разумеется, отвечать надобно положительно: да, можно сделать отдел; да, но нужно полное единство. Программы я не понимаю (т. е. просьбы, содержащейся в записке, сообщить «нечто вроде программы»). Литературным произведениям места нет в „Колок(оле)“, но есть же замечательные вещи, не идущие ни под какой ранжир. Корресп(онденции) хотя бы помещать во франц(узском издании „Колокола“) или русском (прибавлении)?» (XX, 129). Далее следовал ответ на вопрос Огарева об условиях оплаты и пр.

В том же письме Герцен, однако, выражал сомнение в успехе возобновляемого издания. «Мне все кажется, — писал он, — что при всех усилиях „Колок(ол)“ ни фр(анцузский), ни русский не пойдут» (там же).

Первое из публикуемых писем Криля и характеризует эти усилия редакции восстановить связи «Колокола» с русскими читателями. В записке содержатся данные по этому вопросу. Как видно из текста, Огарев предполагал наладить транспорт возобновляемого «Колокола» и распространение его в России через некоего К. Г., жившего в Восточной Пруссии, в Иоганнесбурге. Расшифровать инициалы К. Г. можно вполне точно. Это — Константин Голубев (или Голубов), ученик старообрядческого деятеля Павла Прусского, сотрудник и наборщик журнала «Истина», издававшегося в Иоганнесбурге в типографии Гонсеровского. Типография обслуживала старообрядческий монастырь, во главе которого стоял Павел Прусский. Связь с Павлом Прусским и Константином Голубевым наладил весной 1862 г. В. И. Кельсиев во время своей нелегальной поездки в Россию. После отъезда Кельсиева в Константинополь (осенью 1862 г.) сношения с Голубевым поддерживал Огарев. Доказательством этому служат полемические письма Голубева против «Частных писем об общем вопросе» Огарева, напечатанные в журнале «Истина» в 1867 г. Здесь Голубев, выступая против материалистических и республиканско-социалистических тенденций «Колокола», в то же время прямо ссылаясь на свои дружелюбные отношения с Огаревым («Истина», 1867, № 4).

Очевидно, в конце 1867 г. Огарев попытался через Криля восстановить утраченную связь с Голубевым. Огарев, однако, не знал точного адреса Голубева, и потому Крилю повидать Голубева не удалось (см. начало первого публикуемого документа). Тогда он решил попытаться установить связь с «К. Г.» другим путем и попросил у Огарева новую рекомендательную записку к «К. Г.», так как прежнее письмо Огарева к Голубеву Криль накануне перехода через границу сжег. Однако и на этот раз свидание его с Голубевым не состоялось. Дело в том, что Голубев еще летом 1867 г., а его «учитель» Павел Прусский в феврале 1868 г. приняли единоверие и возвратились в Россию. Огарев и Криль об этом переходе Голубева из старообрядчества в единоверие осведомлены не были. Этим и объясняется самая попытка Огарева обратиться к Голубеву как посреднику в деле распространения «Колокола» в России, а также вновь повторенная Крилем просьба дать Езерскому «записочку» к Голубеву в письме от 31 января 1868 г.

В чем заключались способы распространения, предложенные упоминаемым в первом письме Олизаром, и другие способы, проектировавшиеся Крилем, установить не удалось.

От имени какой же группы выступал Криль? Некоторые данные для ответа на этот вопрос мы находим во втором из публикуемых писем — от 31 января 1868 г. Из содержания этого письма следует, что в программу деятельности кружка, повидимому, входило: поселить его членов в сельских местностях и организовать там земледельческие общины. Известно, что кружок ишутинцев накануне своего разгрома в апреле 1868 г. был близок к осуществлению именно такой программы, рассматривая поселение в народе и пропаганду в его среде как главный способ распространения своих идей в обществе.

Личная связь Криля с кружком Ишутина несомненна. Ишутинцы были тесно связаны с полуполегалными студенческими объединениями, существовавшими тогда в Московском университете. Так, например, «Общество переводчиков и переводчиц» рассматривалось руководителями кружка как основной резерв для вербовки членов в свою организацию. Криль, кассир студенческого объединения, т. е. одно из наиболее доверенных лиц, имел, конечно, непосредственный контакт с ишутинцами. Несмотря на многочисленные аресты и жесточайший террор, последовавший за выстрелом Каракова, подпольная революционная работа продолжалась. Организовались новые группы, вновь собирались участники прежних студенческих организаций, уцелевшие во время террора или уже освободившиеся из-под ареста. В Петербурге возник кружок, ядро которого составляли лица, привлекавшиеся по каракозовскому процессу, — Воскресенский, Сергеевский, Полумордвинов, — кружок, известный под названием «Сморгонской академии». Он постепенно сделался центром, группировавшим вокруг себя весьма многих представителей тогдашней революционной молодежи в Петербурге. Повидимому, и связи Криля восходят к этому кружку; упоминание в письме Криля к Огареву фамилий Черкесова и Езерского подкрепляет наше предположение, что товарищами его были петербуржцы. Оба названных лица — деятели петербургского революционного движения.

Письмо Криля от 31 января 1868 г. содержит ценные подробности о расстановке сил в революционной среде, наметившейся в ту пору, когда кружок Ишутина был разгромлен и началось «нечаевское движение». Политическая группировка, от имени которой выступает Криль в своем письме к Огареву, придерживалась, по всей вероятности, той же программы революционной деятельности, что и кружок ишутинцев накануне разгрома. Публикуемое письмо дает представление о характере оппозиции, которую встретил Нечаев в среде петербургского студенчества зимой 1868—1869 гг., и свидетельствует о том, что приблизительно за год до появления Нечаева в Петербурге там существовала революционная политическая группировка, придерживавшаяся совершенно иной тактики и методов борьбы с царизмом. Исследование этого вопроса, в частности выяснение связи кружка с украинским революционным движением того времени, представляет большой интерес. Не только письмо Криля, но и тот факт, что одновременно с «Обществом переводчиков и переводчиц» в университете действовала «малороссийская община», возглавлявшаяся Ф. В. Волховским, дают

нам основания предположить наличие этой связи. Письма Криля являются также ценным материалом для изучения взаимоотношений Огарева с революционными элементами внутри страны.

Письма печатаются по автографам «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 128 и 154).

1

(Декабрь 1867 г.)¹

Жаль, что вы не знали точного адреса. Доехав до Эйдкунена, я узнал, что Иоганнесбург находится в шестнадцати милях от Кенигсберга, так что съездить туда не мог—не хватило денег.

Олизар нашел средства для доставки книг и т. п. через Польшу (т. е. царство), рассказал мне, в чем состоит механизм, и, насколько я его понимаю, он должен играть. Это—уже другой способ, не тот, об котором я вам говорил; тот способ остается сам по себе.

Корреспондентов имеется трое: два—в Петербурге, один—в Ковно. Имеется в виду приобрести еще довольно большое количество и в разных концах. Интересно было бы знать, согласитесь ли вы отделить в своем журнале часть, специально предназначенную для корреспонденций. Дело понятное, что во 1) тождественности во взглядах корреспондентов быть не может, строгий подбор невозможен. Конечно, в случае несогласия редакции с мнениями корреспондента нужны оговорки. 2) Видеть факты в том освещении, в каком они нам здесь представляются, вы не можете, и часто вы почти не можете знать, какой факт имеет распространение в публике и как выгодно бы было осветить его в данную минуту.

На этом основании, кроме того, чтобы вы согласились дать отдел для корреспонденций, желательно было бы, чтобы вы сообщили нам нечто вроде программы, что именно вы можете допустить к печатанию.

Мы думаем, что возможно будет, кроме публицистических статей, присылать вам статьи беллетристического содержания

Письмо ваше я сжег. Надеюсь, что, может быть, месяца через два поедет за границу один мой приятель. Он бы мог заехать в Иоганнесбург. В таком случае очень бы любопытно было иметь от вас записочку к К. Г.² Если она понадобится, я вам сообщу, каким образом ее переслать; думаю, что вы не откажете снабдить нас таковою.

¹ Публикуемый текст — конспиративная записка, пересланная автором через посредство третьих лиц из России в Женеву. Ни дата, ни подпись, ни адрес на ней не обозначены. Точную дату установить затруднительно. Получена записка была Огаревым в Женеве накануне 1 января 1868 г.; мы останавливаемся поэтому на приблизительно той дате: «декабрь 1867 г.». Кто был ее автором, мы установили, сличив почерк с почерком других документов, написанных рукою Криля (см. следующее письмо).

² Справку о «К. Г.» см. выше, на стр. 276.

2

31 января 68 г. *

Два раза писал я вам, что у нас есть в виду одна компания, которая способна и желает заняться устройством земледельческой общины, но до сих пор не имею от вас никакого ответа. Я начинаю подозревать, что письма эти затерялись. Приходится объяснять все снова.

В Чернигове есть одна компания, которая года два уже носится с мыслью об устройстве земледельческой общины. Дело задерживается недостатком денег. Достать им неоткуда. Но желание у них так сильно, что несчаст-

* Под датой подписано неустановленным почерком, карандашом: Планы народников.

ной 1000 р., которая у них наберется, они все-таки хотят начать что-нибудь. Их было вначале пятеро, но двое из них пристроились к другому делу. Осталось, следовательно, трое. Немного. Они находят какую-то возможность заняться устройством земледельческой общины в одной из малороссийских губерний и желают начать это дело весной. Интереснее было бы гораздо, если бы они поселились где-нибудь в Поволжье или вообще в великорусских губерниях; интересно было бы вообще в смысле надежды на большую успешность пропаганды, да, кроме того, к ним бы тогда прикнул от нас кто-нибудь. Один—это дело решенное, кроме того, есть еще в виду трое, но с ними это еще не кончено; один из этих трех, может быть, займется другим делом, если некому будет его заменить, но есть надежда, что заменить его будет можно, а если он пойдет, то с ним пойдет еще один его приятель; об четвертом же ничего положительно сказать нельзя, он пропадает неизвестно где, но как только появится на нашем горизонте, то мы его атакуем, он согласится наверно. Вот все, что можно сказать о количестве людей. Если все они соберутся, то в совокупности у них наберется тысяч до трех денег. Все-таки ж этого мало. Мы могли бы приискать денег, если бы не весна близко, времени мало; если же до весны мы не дадим черниговцам никакой помощи, то они для нас будут потеряны, уйдя в Малороссию и заведясь там хозяйством; их уже трудно будет оттуда, с заведенного хозяйства, стащить, да и не будут же они там совсем бесполезны. Попридержаться же этой компании было бы очень хорошо, народ хороший. Дело за деньгами. Мы говорили с вами, что можно было бы обратиться в этом случае к Черкесову¹, но нам это неудобно, во-первых, потому, что он мало нас знает, а во-вторых, потому, что, судя по его словам, он находится теперь в затруднительных обстоятельствах. Если бы даже у него были теперь деньги или возможность как-нибудь, через знакомство, что ли, помочь этому делу, то было бы гораздо удобнее, если бы возможно было явиться к нему от вашего имени. Да, кроме того, вероятно, знакомство ваше не ограничивается одним Черкесовым; если бы вы могли направить нас к кому-нибудь, это было бы очень хорошо. Я не знаю, может быть вы и получили мои письма, но не хотели отвечать, боясь устраивать это дело письменным путем. В таком случае, вот что может помочь этому делу. Теперь находится в Цюрихе (если не уехал уже) некто Езерский². Пошлите ему *poste restante* записку, т. е. осведомьтесь таким образом, там ли он и может ли приехать к вам для того, чтобы переговорить об этом деле. Прилагаемое здесь письмо пошлите ему, если ему невозможно будет приехать самому. Если же его нет в Цюрихе, то прилагаемое здесь письмо распечатайте и прочтите сами; в нем вы найдете кое-какие подробности, которые я не успел написать вам—времени решительно нет, тороплюсь писать. Если у вас есть в виду кто-нибудь, к кому бы вы могли нас направить, то снабдите Езерского нужными инструкциями, письмо, что ли, дадите ему рекомендательное для передачи нам или найдете другой какой-нибудь способ удобнейшим для этого случая, это вам знать лучше.

Езерский в Цюрихе с большим братом, с ним же поедет назад в Россию; но если он поедет один или вообще возьмется заехать на границе к К. Г., то дайте ему к К. Г. записочку. Вы же писали, что по моим указаниям готовы сделать что можно, препятствий же к этому я не вижу, он, может, надежнее бог знает кого.

Что касается до корреспонденций, скажу вам, что двигается это дело немножко тихо, впрочем, чтобы оно двигалось скоро и ожидать было нельзя. Насчет программы—вот что: на днях мы пришлем вам письмо, объясняющее наш взгляд на это дело.

А. К р и л ь

Сочинения

Герцена

а) Изданные в Петербурге

б) Рукописные

С. Петербург 1857г.

Рукописные сочинения

Герцена

записные тетради и выписки со следственных

записок

1) Сочинения А. И. Герцена

2) Мемуары и воспоминания

3) Записки о Петербурге

4) Записки о жизни

С. Петербург 1857г.

АЛЬБОМ ПЕЧАТНЫХ ОТТИСКОВ И РУКОПИСНЫХ СПИСКОВ СОЧИНЕНИЙ ГЕРЦЕНА, 1857 г.

Титульный лист альбома и оглавление рукописной части

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

¹ Александр Александрович *Черкесов* (1839—1908)—деятель революционного движения шестидесятых годов, друг А. А. Серно-Соловьевича; в 1862—1865 гг. он находился в эмиграции в Женеве. Возвращаясь в Россию, Черкесов был арестован на границе, но вскоре освобожден. В 1867 г. он получил разрешение открыть в Петербурге книжный магазин и библиотеку, принадлежавшие ранее Н. А. Серно-Соловьевичу, и продолжал поддерживать отношения с революционной молодежью.

² Степан Венедиктович *Езерский*—участник студенческого движения в Петербургском университете зимой 1868/69 г. До сих пор считалось, что антинечаевское крыло петербургского студенчества, возглавлявшееся Езерским, было умеренным, «академическим». Однако теперь, на основании публикуемого письма можно считать вероятным, что Езерский был тесно связан с революционными кругами и роль его в студенческом движении 1868—1869 гг. была значительно больше, чем предполагалось до сих пор.